

Н.Н. Головин

**Мысли об устройстве
будущей Российской
Вооруженной силы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.Н. Головин**
Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы / Н.Н. Головин –
М.: Книга по Требованию, 2021. – 80 с.

ISBN 978-5-458-52508-4

Задачей труда является наметить те пути, по которым должно пойти воз-
рождение Российской Вооруженной Силы

ISBN 978-5-458-52508-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

церскаго состава, на которомъ будетъ строиться будущая Россійская Армія, участвовала въ гражданской войнѣ на той или другой сторонѣ внутренняго фронта. Болѣе близкій опытъ, связанный съ чрезвычайно тяжелыми личными переживаніями, заслонить собой опытъ войны болѣе дальній и вызывающій несравненно болѣе сложныя размышленія. Отразится и тотъ фактъ, что въ Красной Арміи, по причинамъ чисто политическаго характера, опытъ гражданской войны искусственно раздувается и вокругъ него создаются цѣлыя легенды. Эти легенды, хотя и въ измѣненномъ видѣ, останутся долго жить въ средѣ офицеровъ состава бывшей Красной Арміи и послѣ переворота.

Повидимому, руководители Красной Арміи начинаютъ также понимать, что на опытѣ гражданской войны настоящей вооруженной силы не построишь. Объ этомъ свидѣлствуютъ рѣчи Троцкаго (Бронштейна) и Фрунзе, произнесенныя въ 1924 году въ Красной Военной Академіи. Особенно показателна въ этомъ отношеніи рѣчь Фрунзе, изображающаго въ настоящую минуту нѣчто вродѣ начальника Генеральнаго Штаба и въ то же время и начальника Военной Академіи.

Но трагизмъ положенія большевиковъ и заключается въ томъ, что при ихъ режимѣ невозможна никакая научная работа. Въ отвѣтъ на выраженныя Троцкимъ и Фрунзе пожеланія они могутъ услышать лишь хоръ льстецовъ и политикановъ, подыгрывающихъ къ „сильнымъ“ въ настоящую минуту.

Такимъ образомъ, научная разработка богатѣйшаго опыта минувшей большой войны въ настоящее время въ Россіи не можетъ быть произведена. А, между тѣмъ, такая работа должна быть произведена заблаговременно, такъ какъ новая національная власть, которая придетъ на смѣну III-му Интернаціоналу, должна сразу видѣть пути, по которымъ необходимо должно пойти возрожденіе вооруженной силы освобожденной Россіи.

О черкъ 2-й.

Военная доктрина.

Что такое военная доктрина.

Какъ только Суворовъ вступалъ въ командованіе войсками, онъ тотчасъ же разсылалъ имъ свою „Науку побѣждать“. Послѣдняя, изложенная своеобразнымъ Суворовскимъ языкомъ, понятнымъ рядовому нижнему чину, представляла собой своего рода катехизисъ, который всѣ генералы, офицеры и унтеръ-офицеры обязаны были знать наизусть, рядовымъ же соотвѣтствующія выдержки изъ этого катехизиса должны были читаться ежедневно.

Какое первостепенное значение придавал Суворовъ пониманію и усвоенію своей „Науки побѣждать“, свидѣтельству- ютъ слѣдующія заключительныя слова этого катехизиса: „За- немогузнайку офицеру арестъ, а штабъ-офицеру арестъ квар- тирный. Ученіе свѣтъ. Неученіе тьма. Дѣло мастера боится. И крестьянинъ, не умѣетъ сохой владѣть, — хлѣбъ не ро- дится. За ученаго трехъ не ученыхъ дають. Намъ мало трехъ. Давай намъ шесть, давай намъ десять на одного. Всѣхъ по- валимъ, побьемъ, въ полонъ возьмемъ. Въ послѣднюю кампа- нію непріятель потерялъ счетныхъ семьдесятъ пять тысячь, только что не сто: а мы и одной тысячи не потеряли. Вотъ, братцы, военное обученіе. Господа офицеры, какой восторгъ!“

Суворовская „Наука побѣждать“ не есть уставъ: Суво- рововская „Наука побѣждать“ есть Суворовская доктрина.

Слова „военная доктрина“ были очень долго не въ по- четѣ у насъ. Тутъ, конечно, имѣло нѣкоторое значеніе ино- странное происхожденіе слова „доктрина“ и то, что пониманіе этого слова смѣшивалось съ понятіемъ „доктринерства“. Опа- саемся, что и до сихъ поръ въ массахъ нашего офицерства слово „доктрина“ пользуется такимъ-же успѣхомъ, какъ слова „жупель“ и „металлъ“ въ комедіи Островскаго у замоскво- рѣцкой купчихи. Не любовь къ методичной упорной и дол- гой работѣ, а наоборотъ, пристрастіе къ „авось“, да „небось“, прикрываемое ожиданіемъ наитія свыше, являются, къ сожа- лѣнію, нашими отрицательными національными свойствами. Вслѣдствіе этого наше обычное отношеніе къ вопросу „док- трины“ является своего рода національнымъ предрасудкомъ. Примѣръ Суворова — этого величайшаго русскаго полководца, не уступающаго въ своемъ геніи другимъ великимъ полко- водцамъ міровой исторіи, тѣмъ болѣе поучителенъ.

Доктрина представляетъ собою чисто практическое при- ложеніе отвлеченныхъ выводовъ науки къ условіямъ опре- дѣленной войны. Военная доктрина создается для данной войны; если можно выразиться: для войны съ маленькой бук- вы и предшествуемой какимъ либо прилагательнымъ. Наука создается для войны вообще, для войны съ большой буквы. Условіями, обусловливающими созданіе доктрины, являются: свойства войскъ своихъ и противника, сила и свойства нахо- дящагося на лицо оруженія, государственныя, національныя и экономическія условія, въ которыхъ приходится вести дан- ную войну, условія театра войны: т. е. все, что можно обоб- щить въ словахъ — „реальная обстановка войны“. Вотъ по- чему, если военная наука не можетъ различаться отъ того, преподается ли она въ Военной Академіи въ Петроградѣ, въ Парижѣ или въ Берлинѣ, то доктрины русская, французская и нѣмецкая неминуемо будутъ заключать въ себѣ различныя черты. Болѣе того: доктрины одной и той же арміи въ раз- личныя войны должны между собой отличаться. Въ совре- менную же эпоху, вслѣдствіе быстрого совершенствованія те-

хники, передъ каждой кампаніей должна вырабатываться новая или, по крайней мѣрѣ, обновленная доктрина.

Противники доктрины указываютъ, что высшее военное образование должно обнимать собой пониманіе, какъ вести войну при всякой обстановкѣ. Въ своемъ требованіи къ высшему военному образованію они правы. Но въ своемъ выводѣ они грѣшатъ тѣмъ, что упускаютъ изъ виду, что дѣйствительное усвоеніе военной науки въ ея высшемъ отвлеченіи удѣлъ немногихъ. Массы же людей нуждаются въ болѣе узко практическихъ указаніяхъ. Это требованіе получаетъ особое значеніе въ условіяхъ современной войны, когда на борьбу выступаютъ не прежнія профессиональныя арміи, а вооруженные народы.

Военная наука создается по преимуществу путемъ анализа. Военная доктрина представляетъ собой результатъ синтеза. Среди всѣхъ многочисленныхъ методовъ, на которые указываетъ военная наука, созидатели доктрины избираютъ комбинацію методовъ, которые, по ихъ мнѣнію, являются болѣе приложимыми въ обстановкѣ данной или ожидаемой войны. Какъ всякая синтетическая работа, созиданіе военной доктрины требуетъ наличія не только научно-аналитическаго ума, но и практически-созидательнаго таланта. Безъ этого военная доктрина превратится въ трафаретъ, противъ чего боролись всѣ великіе полководцы, хотя каждый изъ нихъ создавалъ свою собственную доктрину.

Разительный примѣръ мы можемъ увидѣть въ военной исторіи, прослѣдивъ, какъ доктрина Фридриха II Прусскаго въ рукахъ его наслѣдниковъ, по мѣрѣ измѣненія условій войны, съ пути громкихъ побѣдъ короля-философа привела на путь разгрома у Іены и Ауэрштѣдта.

Точка зрѣнія Мольтке на со- зиданіе военной доктрины.

Военному генію свойственна не только чрезвычайная чуткость къ текущимъ требованіямъ жизни, но и предвидѣніе грядущихъ измѣненій въ этихъ требованіяхъ. Соответствующая доктрина создается ими также интуитивно, какъ творитъ свое произведеніе геніальный писатель или художникъ. Но вытекаетъ ли отсюда, что для созданія доктрины армія должна ждать появленія великаго полководца? У насъ очень много сторонниковъ подобной точки зрѣнія. Иначе посмотрѣли на это дѣло нѣмцы. Мольтке считалъ, что участь государства не можетъ быть поставлена на карту въ зависимости отъ рѣдкой счастливой случайности — появленія во главѣ арміи геніальнаго полководца. А между тѣмъ, Пруссія времени Мольтке стояла передъ эпохой кровавой борьбы за созданіе единства Германіи. И вотъ Мольтке стремится поставить участь Пруссіи внѣ зависимости отъ случайности. Въ основу организациі высшаго управленія Прусской, впоследствии Германской, вооруженной силы онъ кладетъ расчетъ на коллективную работу многихъ людей, на-

учно образованныхъ, часто талантливыхъ. Собственно говоря, избранный имъ путь — путь свойственный всѣмъ областямъ современной жизни.

Точка зрѣнія Мольтке не отрицаетъ великаго значенія генія. Если ему суждено явиться, то онъ только найдетъ въ подготовленной Мольтке средѣ мощную помощь. Ему не будетъ грозить трагическая судьба гениальнаго Наполеона. А если генію не суждено придти, то все-таки возможны хотя и не ошеломляющіе своимъ блескомъ результаты, то все-же достиженіе побѣды, пути къ которой являются при такихъ условіяхъ не заказанными; ибо, какъ сказалъ Виллизенъ: „отъ знанія до искусства разстояніе гораздо меньше, чѣмъ отъ невѣжества“.

Правильность этой точки зрѣнія проста до самоочевидности. Трудности заключались въ ея осуществленіи. Успѣхъ на войнѣ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, зависитъ отъ осуществленія единства дѣйствій. Поэтому въ военномъ дѣлѣ путь коллективной работы чреватъ большими опасностями. Гениальность Мольтке и заключается въ томъ, что онъ находитъ нужный регуляторъ. Этимъ регуляторомъ и должно было служить единство доктрины. Для постоянной творческой работы надъ нею онъ создаетъ свой Большой Генеральный Штабъ. Эта основная задача Большого Германскаго Генеральнаго Штаба служить той научной лабораторіей, въ которой должно было выковываться единство точки зрѣнія команднаго состава германской арміи, оставалась долго не вполне понятой сосѣдямъ. Германіи. Съ чувствомъ радости констатируетъ это самъ Мольтке незадолго передъ смертью, утверждая, что, хотя вѣроятные враги Германіи многое заимствовали у нея, но создать Большого Генеральнаго Штаба въ истинномъ значеніи этого слова они не смогли.

**Опытъ войны 1870—77 г. и ми-
нувшей полно-
стью подтверди-
ли правильность
точки зрѣнія
Мольтке.**

Война 1870—71 гг. подтвердила всѣ расчеты Мольтке. Общее управление германскими арміями, вторгнувшимися во Францію, часто выскальзываетъ изъ рукъ Верховнаго Главнокомандующаго Короля Прусскаго и его начальника штаба Мольтке. Первые крупныя сраженія Шпихернъ, Вертъ, Коломбай-Нуйли и Марсъ-Ла-Туръ разыгрываются для верховнаго командованія случайно. Тѣмъ не менѣе, единство дѣйствій быстро восстанавливается, ибо на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій различные начальники рѣшаютъ представшія неожиданно передъ ними задачи одинаково и въ духѣ высшаго командованія. Война 1870—71 гг. крайне поучительна еще и въ томъ отношеніи, что она уже воочію показала, что веденіе современной войны массовыхъ армій при господствующемъ значеніи огня на поляхъ сраженія настолько усложнилось, что даже генію трудно справиться съ своей задачей при отсутствіи подготовленныхъ

въ единой доктринѣ начальниковъ. Геніальность же самого Мольтке сказалась прежде всего въ провидѣніи „научнаго“ характера веденія современной войны и въ осуществленіи этого на дѣлѣ. Вѣрная завѣтамъ своего великаго полководца Германія со свойственной ей методичностью шла дальше по этому пути. Вспыхнула Міровая война. Генія въ Германіи не оказалось. Война въ концѣ концовъ была ею проиграна. Но нужно отдать справедливость, что побѣда надъ Германіей была достигнута напряженнѣйшими усиліями почти всего міра и притомъ съ большимъ трудомъ. Несмотря на конечное поражение Германіи, утвержденіе стараго Мольтке остаются вѣрными. Въ этомъ можно убѣдиться, изучая любую нѣмецкую операцію минувшей войны. Въ особенности рельефно выступаетъ значеніе школы фельдмаршала Мольтке въ операціи 8-ой германской арміи противъ арміи генерала Самсонова.

Для подробнаго ознакомленія съ этой операціей мы отсылаемъ къ нашей книгѣ *„Изъ исторіи кампаніи 1914 г. на русскомъ фронтѣ; начало войны и первыя операціи въ Восточной Пруссіи“*. Ни Гинденбургъ, ни тѣмъ болѣе Людендорфъ не одарены геніальностью; работа воспитаннаго въ единой доктринѣ команднаго состава восполняетъ это. Идея операціи рождена коллективно. на разныхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій, 8 августа (стараго стиля) генераль Шольцъ, командиръ XX-го германскаго корпуса, находившагося непосредственно на путяхъ наступленія арміи генерала Самсонова, посылаетъ телеграмму командующему 8-ой германской арміей генералу Притвицу съ предложеніемъ сосредоточить свой корпусъ въ районѣ Гильгенбурга для удара въ лѣвый флангъ Самсоновской арміи въ случаѣ, если она пойдетъ на Алленштейнъ. Генераль Притвицъ, хотя и рѣшившій подъ впечатлѣніемъ неудачи корпуса Макензена подъ Гумбиненомъ отойти къ Вислѣ, немедленно соглашается на это, причемъ осуществленію предложенія Шольца благопріятствуетъ уже рѣшенная наканунѣ Притвицомъ перевозка 1-го германскаго корпуса къ правому флангу Шольца, а также направленіе 3-ей резервной дивизіи къ Алленштейну. 8-го же августа, изъ Кобленца начальникъ штаба Кайзера указываетъ Притвицу на ту же идею, настаивая при этомъ на притягиваніи къ группѣ Шольца еще двухъ корпусовъ: XVII-го и I-го резервнаго. Въ тотъ же день, 8 го августа, повидимому смущенный моральной подавленностью Притвица, генераль Мольтке запрашиваетъ мнѣніе командира I-го германскаго корпуса генерала Франсуа, слѣдующаго въ это время въ поѣздѣ по железнодорожной линіи Инстербургъ — Кенигсбергъ. Франсуа ничего не знаетъ о предложеніи Шольца; тѣмъ не менѣе, онъ въ своемъ отвѣтѣ настаиваетъ на приближеніи станціи высадокъ I-го корпуса къ правому флангу XX корпуса и высказываетъ мысли совершенно отвѣчающія пожеланіямъ генерала Шольца. Когда Гинденбургъ и Людендорфъ приѣзжаютъ въ Маріенбургъ, гдѣ первый вступаетъ въ командованіе 8-ой арміей на мѣсто отрѣшеннаго Притвица, имъ остается лишь продолжать уже принятое рѣшеніе.

То же поразительное единство взглядовъ команднаго состава мы обнаружимъ, если проанализируемъ управление 8-ой арміей во время самаго сраженія. Три раза распоряженія штаба 8-ой арміи облегчаютъ выходъ центральныхъ корпусовъ арміи Самсонова изъ мѣшка, въ который они залѣзли, но окруженіе ихъ все-таки состоялось, такъ какъ на двухъ противоположныхъ флангахъ генераль Франсуа (1-й корпусъ) и генераль Макензенъ (XVII корпусъ), находясь ближе къ мѣстамъ рѣшительныхъ дѣйствій, по собственному почину измѣняютъ поставленныя имъ свыше оперативныя задачи; оба они рѣшаютъ задачу совершенно тождественно, въ духѣ доктрины своего непосредственнаго учителя бывшаго начальника Генеральнаго Штаба генерала Шлифена *), проводившаго въ германской арміи идею веденія сраженія съ наиболѣе рѣшительнымъ результатомъ, а именно съ производствомъ двойнаго охвата противника (Канны). Не будетъ парадоксомъ утверждать, что побѣда надъ арміей Самсонова одержана: стратегически фельдмаршаломъ Мольтке, тактически — фельдмаршаломъ Шлифеномъ.

Итакъ, военная доктрина есть комбинація приѣмовъ боевыхъ дѣйствій, которая устанавливается верховнымъ руководствомъ вооруженной силы не для войны вообще, а для опредѣленной войны.

Если представить себѣ эту мысль графически, то ее можно было-бы изобразить такъ: въ обширномъ кругѣ, заключающемъ въ себѣ всѣ безчисленные методы, указываемые военной наукой, верховное руководство проводитъ внутренней кругъ, ограничивающій въ себѣ методы, которые, по его мнѣнію, являются наиболѣе отвѣчающими ожидаемой обстановкѣ. Само собою разумѣется, что остальные методы не исключаются, но предпочтеніе, отдаваемое нѣкоторымъ изъ нихъ, облегчаетъ подготовку вооруженной силы, сводя предъявляемыя къ ней требованія съ пути очень широкихъ абстракцій на путь болѣе опредѣленныхъ требованій. Изъ заоблачныхъ высей философскаго отвлеченія научные выводы низводятся на землю съ неизбежными ея грѣхами и треніями. Отвѣтственность, которую беретъ на себя въ этомъ случаѣ верховное руководство, очень велика. Если оно ошибается, то заложитъ начало поражений, а не побѣдъ. Человѣческая слабость заставляетъ иногда вождей уклоняться отъ отвѣтственнаго творчества, стремясь переложить эту отвѣтственность на подчиненныхъ. Благодаря этому сохраняется возможность формальнаго оправданія передъ современниками ссылкой на то, что

*) Фельдмаршалъ графъ фонъ Шлифенъ, восторженный послѣдователь школы фельдмаршала Мольтке, умеръ въ 1913 году. Последняя его научная работа представлявшая собой высшее завершеніе германскаго военной доктрины, подъ заглавіемъ „Канны“ была напечатана въ офиціальномъ журналѣ нѣмецкаго Большаго Генеральнаго Штаба „Vierteljahrshefte für Truppenführung und Heereskunde“ въ 1909 г. стр. 527—572. 1910 г. —стр. 11—30, 1911 г.—стр. 355—365, 1912 г.—стр. 185—214 съ окончаніемъ въ 1913 году.

подчиненные не согласовали свои дѣйствія съ обстановкой. Эта формула всеобъемлюща, а потому и является излюбленной, но исторія не вынесетъ оправданія подобнымъ вождямъ, ибо только высшее руководство военной силой можетъ предвидѣть тѣ данныя, которыя обуславливаютъ тотъ или другой характеръ ожидаемой въ ближайшемъ будущемъ войны.

Уставы (наставленія, инструкціи, положенія) какъ внѣшнее выраженіе военной доктрины.

Въ прежнія эпохи созидать и проводить въ жизнь свою доктрину могъ единолично полководецъ. Уставы представляли собой лишь предписанія узко формальнаго характера (строи, перестроенія и т. д.). Но, по мѣрѣ усложненія веденія войны, даже такъ называемые строевые уставы теряютъ свой исключительный формальный характеръ. Стоитъ только посмотрѣть хотя бы современные германскіе и французскіе уставы родовъ войскъ. Части ихъ, касающіяся боевыхъ дѣйствій, приняли характеръ учебниковъ тактики. Такимъ образомъ, устанавливаемая доктрина уже въ строевыхъ уставахъ находитъ свое яркое отраженіе. Въ современную эпоху уже невозможно случай, имѣвшій мѣсто въ Наполеоновскую эпоху, когда французская Императорская армія, ведшая свои бои на началахъ глубокой тактики, до конца своего существованія въ 1815 году имѣла въ своемъ распоряженіи уставъ 1791 года, построенный всецѣло на принципахъ линейной тактики. Подобное ненормальное положеніе вещей было и тогда терпимо лишь потому, что армія Наполеона почти все время находилась на войнѣ, и войска усвоили доктрину своего полководца чисто практически, на боевомъ опытѣ.

Насколько выше Наполеона былъ въ этомъ отношеніи нашъ Суворовъ со своей „наукой побѣждать“. Съ дальнѣйшимъ теченіемъ исторіи жизнь ярко подтвердила это. Мольтке подготавливаетъ прусскую армію къ побѣдамъ 1866 и 1870—71 гг., несмотря на то, что эта армія пребываетъ 50 лѣтъ въ мирѣ. Для настоящей эпохи методы Суворова и Мольтке являются единственными соотвѣствующими. Эти методы, въ отличіе отъ прежнихъ методовъ, узко практическихъ, могутъ быть названы научными.

Значеніе военной науки для созданія доктрины стало въ настоящую эпоху еще болѣе значительнымъ. Съ усложненіемъ матеріальной части чрезвычайно усложнились методы боевыхъ дѣйствій и увеличилось число комбинацій, между которыми приходится выбирать созидателю доктрины. Быстрота же совершенствованія матеріальной части приводитъ къ тому, что опытъ минувшей войны быстро старѣетъ, и только наука можетъ предвидѣть дальнѣйшую эволюцію военнаго искусства.

Сложность и измѣнчивость современной военной доктрины вноситъ большое затрудненіе въ дѣло обученія войскъ. При современной системѣ кадровой арміи въ мирное

время под знаменами обучаются миллионы переменного состава, образующего, послѣ краткаго срока своей дѣйствительной службы, запасъ обученныхъ бойцовъ. Переучивать этотъ запасъ при объявленіи мобилизации представляетъ большія трудности. Использование при мобилизации перволинейными войсками младшихъ сроковъ службы вноситъ нѣкоторое облегченіе въ рѣшеніе труднаго вопроса боевой подготовки арміи. Но кромѣ этого создатели вооруженной силы должны учесть также сложность и измѣнчивость современныхъ военныхъ доктринъ при составленіи уставовъ: матеріалъ, подлежащій изложенію въ уставахъ, распредѣляется не только по спеціальностямъ (уставы родовъ войскъ, службъ и т. п.), но и по степени подверженности его измѣненіямъ. Практически это осуществляется слѣдующимъ образомъ.

Уставы родовъ войскъ (такъ называемые строевые уставы) должны заключать въ себѣ только тѣ элементарныя данныя, которыя обуславливаются находящимся въ данную минуту у арміи вооруженіемъ. При этомъ эти уставы должны подраздѣляться на двѣ части: собственно уставъ со всѣми формальными наименѣе измѣняемыми данными и наставленіе для боевыхъ дѣйствій въ рамкахъ не выше полка. Эта вторая часть можетъ подвергаться болѣе частымъ измѣненіямъ, но всетаки, въ виду того, что рамки ея ограничены разсмотрѣніемъ дѣйствій малыхъ войсковыхъ единицъ, она будетъ болѣе устойчивой, нежели уставныя указанія, касающіяся болѣе крупныхъ единицъ. По этому пути мы уже шли до войны, но мы считаемъ, что эта идея должна быть проведена гораздо рѣзче и полнѣе: въ строевые уставы должны быть перенесены и элементарныя формулы такъ называемой полевой службы войскъ, а именно: развѣдка, охраненіе, походныя движенія, расположеніе на отдыхъ, а также вопросы управленія въ рамкахъ полка.

Руководящія указанія для дѣйствія войсковыхъ единицъ высшихъ, нежели полкъ, мы предлагаемъ распредѣлить на двѣ группы наставленій или инструкцій.

1. „Наставленіе для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ“ въ рамкахъ бригады, дивизіи и корпуса, а также всѣ инструкціи, касающіяся работы различныхъ службъ: связи, снабженія и тыла, обезпечивающихъ успѣхъ боевыхъ дѣйствій вышеуказанныхъ боевыхъ соединеній.

2. „Наставленіе для вожденія высшихъ соединеній“, посвященное методамъ оперативнаго руководства корпусомъ, арміей и группой армій, а также „Положеніе о полевомъ управленіи войскъ“ и сопряженныя съ ними другія „положенія“.

При такомъ распредѣленіи инструктивнаго матеріала доктрины получается возможность саму редакцію изложенія уставовъ и наставленій приспособить къ степени подготовленности того круга начальниковъ, къ которымъ каждый изъ

этих уставовъ обращается. Вслѣдствіе этого наставленія для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ и въ особенности для вожденія высшихъ войсковыхъ соединений могутъ всецѣло приобрести характеръ officialнаго научнаго тактическаго и стратегическаго руководства.

Подобное раздѣленіе имѣетъ и болѣе глубокое методическое значеніе. Низшіе войсковые уставы будутъ заключать въ себѣ всю военно-воспитательную часть доктрины *), средніе — главную часть тактическихъ, а высшіе — стратегическихъ идей доктрины. Вышеуказанное не значитъ, что низшіе войсковые уставы не будутъ касаться тактики, что „*Наставленіе для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ*“ не будетъ вовсе касаться стратегии, а „*Наставленіе для вожденія высшихъ войсковыхъ соединений*“ — тактики. Вопросъ идетъ лишь о той основной точкѣ зрѣнія, подъ угломъ которой будутъ трактоваться вопросы.

Низшіе уставы, предназначенные прежде всего для руководства подготовкой бойца и низшихъ войсковыхъ единицъ должны прежде всего быть проникнуты духомъ военной педагогики. Необходимость въ современномъ огневомъ бою болѣе глубокаго проникновенія пѣхоты въ глубь расположенія противника, нежели это требовалось раньше, заставляетъ составителей этихъ уставовъ обратить особое вниманіе на воспитаніе пѣхоты и кавалеріи въ духѣ „Суворовской нападательной тактики“. Прочное внѣдреніе въ психологію бойца стремленія проникновенія въ глубь непріятельскаго расположенія требуетъ развитія въ немъ увѣренности въ своихъ силахъ при рукопашной схваткѣ съ непожеланнымъ слаться врагомъ.

Наша армія традиціонно воспитывалась въ сознаніи превосходства въ рукопашной схваткѣ. Поддержать эту историческую традицію должно составить одну изъ цѣлей военной педагогики (низшихъ уставовъ). Для этого нужно культивировать, какъ важнѣйшій военный спортъ, уколъ штыкомъ, рубку шашкой, стрѣльбу изъ револьвера, бросаніе ручныхъ гранатъ и даже кулачную или иную борьбу.

Но этотъ культъ, какъ результатъ военно-педагогическихъ требованій не долженъ внушать бойцу *ложныхъ* идей о современномъ огневомъ боѣ. Въ этомъ и была ошибка М. И. Драгомирова. Имѣя великую заслугу передъ русской арміей своимъ стремленіемъ возродить въ ней Суворовскую традицію, онъ не учелъ того радикальнаго измѣненія тактики, происшедшаго со времени Суворова.

„Наука Побѣждать“ говоритъ:

„Береги пулю на три дня, а иногда и на цѣлую кампанію, когда негдѣ взять. Стрѣляй рѣдко да мѣтко, штыкомъ

*) Поэтому къ этой категоріи должны быть также отнесены уставы Внутренней службы, Гарнизонный и Дисциплинарный.

коли крѣпко; пуля обмишулится, а штыкъ не обмишулится; пуля дура, штыкъ — молодець“.

Эти Суворовскія слова привели М. И. Драгомирова къ совершенно невѣрному заключенію.

„Въ этомъ пунктѣ“, пишетъ онъ, — сдѣлана превосходная оцѣнка относительнаго достоинства холоднаго и огнестрѣльнаго оружія“. Суворовъ дѣйствительно дѣлаетъ оцѣнку огнестрѣльнаго оружія, но своего времени. когда на 300 шаговъ хорошій стрѣлокъ не могъ быть увѣреннымъ, что попадетъ даже въ 5-ти этажный домъ. Изъ этой основной логической ошибки и вытекли всѣ тактическія нелѣпости, которыми пытались вводить въ нашу армію послѣдователи М. И. Драгомирова — Сухомлиновъ (на должности военнаго министра) и Бончъ-Бруевичъ (редакторъ новыхъ изданій Драгомировской тактики).

Формула Суворова „пуля — дура, штыкъ — молодець“, конечно сейчасъ абсолютно не примѣнима. Она даже вредна, ибо внушаетъ солдату недовѣріе къ своему главному оружію — ружью, пулемету и пушкѣ. Солдатъ, узрѣвшій въ первомъ же бою, что современная пуля дура, въ томъ случаѣ, если онъ не вѣритъ въ наступательную силу своего огнестрѣльнаго оружія, становится пассивнымъ. Въ этомъ и лежала главная причина тактической пассивности нашихъ войскъ въ Японскую войну. Между тѣмъ, японскія войска, воспитанныя германскими инструкторами, были полны вѣры въ силу своего огня и потому проявили на поляхъ сраженій самое ярко выраженное стремленіе впередъ.

На примѣрѣ вопроса обученія штыку мы хотѣли обнаружить особенность низшихъ уставовъ. Вынужденные одновременно сочетать тактическія и военно-педагогическія стороны, они непремѣнно сталкиваются съ нѣкоторыми различіями въ требованіяхъ. И вотъ, при разрѣшеніи этихъ различныхъ точекъ зрѣнія, нужно прежде всего остерегаться укладывать реальности жизни въ прокрустово ложе. Въ конечной своей формѣ эта вредная тенденція выражалась у насъ въ проповѣди „пуля дура, а штыкъ молодець“, а у французовъ въ томъ, что ихъ солдаты остроумно называли „bougrer les cânes“.

„Наставленіе для совмѣстныхъ дѣйствій различныхъ родовъ войскъ“ переноситъ центръ тяжести разсужденія уже всецѣло въ область тактики. Солидарность общихъ дѣйствій и уменьшеніе внутреннихъ треній для достиженія съ наименьшей затратой крови и наибольшихъ результатовъ — вотъ главная задача этого устава. Главнымъ оружіемъ борьбы для начальника дивизіи является его артиллерія. Ибо отъ $\frac{2}{3}$ до $\frac{3}{4}$ потерь будетъ нанесено непріятелю нашими пушками и гаубицами. Пѣхота подводится къ рукопашной схваткѣ только для использованія результатовъ огневого боя. Поэтому, если низшіе уставы должны сѣумѣть внушить бойцамъ постоянное, неудержимое стремленіе впередъ, то наставленіе для совмѣ-